

Самарин Дмитрий Александрович

ОБРАЗ ЛОКИ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СКАНДИНАВСКИХ МИФОВ

В статье рассматривается роль бога Локи в юмористическом дискурсе древнескандинавской мифологической традиции. Исследование образа Локи и его речевых особенностей показало, что он представляет собой характерный пример эпического трикстера. Поведение Локи как трикстера проанализировано на материале песен "Старшей" и "Младшей Эдды". В ходе этого выявлены основные речевые черты этого персонажа скандинавского фольклора. Также установлено влияние феномена Локи на формирование комического жанра в литературе, искусстве и культуре в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 71-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. *Sine ira* <Соловьев В.> Наши журналы // Санкт-Петербургские ведомости. 20 марта 1875. № 65. С. 1-2.
18. *Sine ira* <Соловьев В.> Наши журналы // Санкт-Петербургские ведомости. 1875. 19 апреля. № 105. С. 1-2.
19. X. Y. Z. <Чуйко В. В.> Очерки литературы // Голос. СПб., 1875. 13 (25) марта. № 72. С. 1-2.
20. X. Y. Z. <Чуйко В. В.> Очерки литературы // Голос. СПб., 1875. 17 (29) апреля. № 105. С. 1-2.

L. N. TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" IN THE RUSSIAN CRITICISM: HISTORY OF THE PROBLEM

Romanova Natal'ya Ivanovna, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natromanova2007@yandex.ru

The article considers journalistic polemics of 1875-1878 about L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" and the history of its studying. The relevance of the research lies in the fact that there are no such works in the modern literary criticism. Having analyzed his predecessors' research experience the author, on the one hand, identifies considerable incompleteness of factual material on the basis of which the studies were developed and, on the other hand, proposes conceptually new approach to the problem of contemporary perception of the novel. This approach constitutes scientific originality of the research. Practical value of the findings involves a new approach to "Anna Karenina" creative history.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; historical and literary process; criticism; novel; interpretation; polemics; periodicals; scientific tradition; creative history.

УДК 81.42

В статье рассматривается роль бога Локи в юмористическом дискурсе древнескандинавской мифологической традиции. Исследование образа Локи и его речевых особенностей показало, что он представляет собой характерный пример эпического трикстера. Поведение Локи как трикстера проанализировано на материале песен «Старшей» и «Младшей Эдды». В ходе этого выявлены основные речевые черты этого персонажа скандинавского фольклора. Также установлено влияние феномена Локи на формирование комического жанра в литературе, искусстве и культуре в целом.

Ключевые слова и фразы: юмор; дискурс; мифология; древнескандинавский эпос; трикстер; архетип; прямая речь; гипербола.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
d.samarin.2015@mail.ru

ОБРАЗ ЛОКИ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СКАНДИНАВСКИХ МИФОВ

Нет сомнения в том, что концепты «сатира» и «юмор» как элементы концептуальной картины мира представляют собой устойчивые культурно-национальные изображения определённых явлений и ситуаций. И смех, и юмор неотъемлемы от самой человеческой природы и жизни в целом. Они нашли своё отражение в самых первых эпических произведениях. Юмор в них представляет собой объект лингвокультурологического исследования.

Для характеристики той или иной сферы общения в лингвистике применяется термин «дискурс» (от фр. *discours* «речь»). Различные шуточные или юмористические ситуации охватываются понятием «юмористический дискурс». Слово «юмор» имеет английское происхождение, но в английский язык оно пришло из французского языка, первоначально восходя к латинскому слову «*humor*», означающему «влага», «жидкость». Г. Г. Фефелова указывала: «Развитие этого значения означало “жизненные соки в человеческом организме”, с которыми в средние века стали связывать “характер, темперамент человека”» [13, с. 171]. На почве английского языка французское слово получило уже значение «склонность к насмешке (осмеянию)», затем образовав ставшую интернациональной лексему «юмор».

Юмористический дискурс, очевидно, зарождался вместе с мифологией, представляя собой необходимый элемент сакральных текстов. Данный дискурс обширно представлен, в частности, в древнескандинавском эпосе. В нём он часто неотделим от фигуры бога Локи (др.-сканд. *Loki*) – сына ётуна Фарбаути и Лаувейи, известного в качестве бога хитрости и обмана. В книге «Миф» М. И. Стеблин-Каменский, характеризуя этого бога, подчёркивал: «Но Локи, который наделён личной индивидуальностью, пожалуй, больше всех остальных персонажей эддических мифов, несомненно, никогда не был объектом религиозного культа» [11, с. 70]. В «Истории зарубежной литературы» М. П. Алексеева и его соавторов также показано особое положение этого мифологического характера: «Локи стоит между богами и великанами и будет сражаться против богов в последней битве перед концом мира» [1, с. 33]. Именно Локи представляет собой яркое проявление интересного и неоднозначного образа архаической мифологии – комического дублёра культурного героя. Этот дублёр совсем неслучайно получил название трикстера (от англ. «*trick*» – трюк; «*trickster*», соответственно, – обманщик, ловкач, трюкач).

Появление трикстера в традиционной культуре непосредственно связано с пробуждением человеческого сознания (сознательности). Несомненно и то, что фигура трикстера, ярким представителем которого в западноевропейской культуре и литературной традиции является бог Локи, была спроецирована не личностным человеческим сознанием, а, определённо, коллективным бессознательным. Трикстер – это архетипальный мыслительный образ. Данный архетип в числе других получил детальную разработку у К.-Г. Юнга (1875-1961), известного швейцарского психиатра, основоположника аналитической психологии. Учёный дал ему следующее определение: «Трикстер – это коллективная теневая фигура, сложение всех посредственных черт характера в людях» [15, р. 171]. Итак, можно, в принципе, принять эту формулировку как наиболее ёмкую для общей характеристики трикстера.

Характерное отличие эддических песен – применение прямой речи. Песнь «Прорицание вёльвы», начинающая цикл песен «Старшей Эдды», вводит фигуру Локи: «Пленника видела под Хвералундом, обликом схожего с Локи зловещим» [8, с. 211]. Наказание Локи, наделённого соответствующим негативным эпитетом, связано с его ролью в убийстве светлого бога Бальдра. Эта смерть названа одной из непосредственных предпосылок гибели мира, известной остальным богам.

Как житель Асгарда Локи периодически то содействовал асам, то расстраивал их планы. «Песнь о Хюмире» демонстрирует негативное восприятие Локи другими богами: «Недалеко отъехали, вдруг полумёртвый упал на дорогу Тора козел: постромок скакун охромел неожиданно; Локи зловредный в том был повинен» [5, с. 258]. Использование имени прилагательного «зловредный» после имени собственного, как и в предыдущем случае, оправдано стилистически и способствует усилению образа скандинавского трикстера. В этой песни дан намёк на отрицательную магическую силу бога хитрости.

В «Видении Гюльви» из «Младшей Эдды» насчёт Локи сказано: «Асы не раз попадали из-за него в беду, но часто он же выручал их своею изворотливостью» [12, с. 31]. На антиномическую, двойственную природу Локи, сочетавшего в себе добрые и злые качества, в книге «Миф» также обращал внимание М. И. Стеблин-Каменский. В частности, он замечал: «Но Локи, по-видимому, совершал свои злые дела не со зла, а иногда из любопытства, иногда из трусости или даже из самозащиты (например, когда он заманил Идун к Тьяцци, а Тора к Гейррёду)» [11, с. 73]. Кроме того, Локи совершил и ряд добрых дел: он помог Тору вернуть его молот от великана Трюма; помешал мастеру, взявшемуся построить стены Асгарда, завершить свою работу в одну зиму; принудил сыновей Ивальди изготовить золотые волосы для Сив, корабль Скидбладнир для Фрейра и копье Гунгнир для Одина, а также возвратил Идун асам с её омолаживающими яблоками.

В «Песни о Трюме» Локи полностью входит в роль трикстера. В ней он в женской одежде сопровождает Тора, переодетого невестой в наряде Фрейи, к великану Трюму, чтобы вызволить похищенный им у Тора молот Мьёллнир: «Локи сказал, рождённый Лаувейей: “Буду тебе я служанкой доброй, вместе поедем с тобою в Ётунхейм!”» [4, с. 268-269]. Помогая Тору обмануть великана, Локи убеждает последнего в том, насколько Фрейя проголодалась за время ожидания и долго пути. В результате этого обмана Локи и Тору удалось вернуть молот и победить Трюма.

Но, хотя Локи неоднократно выручал других богов из различных передряг, он сам зачастую был их первопричиной. Но именно благодаря своей хитрости и сметливости ему удавалось найти выход практически из любого безнадежного положения. С учётом этого в статье «Эсхатологическое учение германцев о Рагнарёке и о Локи» Н. И. Петев подчёркивал: «Локи действительно представляет собой классический образ трикстера, который находит своё место во многих религиях» [6, с. 112]. Прделки Локи не только не безобидны, они порой опасны для окружающих и даже для него самого. Эта оценка справедлива, и она подтверждается как необузданным характером Локи, так и всеми его поступками.

Локи как трикстер, прежде всего, одновременно представляет собой и оригинальный, и универсальный образ. Особого внимания заслуживают его речи. Для стиля песен «Эдды» очень характерно обилие собственных имён, поскольку оно придаёт ему конкретность. Речь Локи, в зависимости от определённой песни, имеет ситуативный и изменчивый характер. Известно, что этот бог однажды заключил пари с гномами на условии, что, если он проиграет, гномы отрежут ему голову. И Локи проиграл это пари. В этой связи М. Боудри было указано: «Но Локи протестовал, что, хотя у них было полное право лишить его головы, гномы не должны были касаться любой части его шеи» [14, р. 95]. В этой ситуации также проявляется комизм дискурса Локи. Подобным образом к характеристике языковой личности Локи подошла и С. С. Березовская. В статье «Культурный герой: динамика развития» она отмечала: «В его арсенале немало смехотворных поступков: это и полёт в соколином оперении, и спор с карликом, разменной монетой в котором становится не что-нибудь, а голова Локи» [2, с. 76]. Данный случай служит ярким примером лингвистического и философского парадоксов. Схожие парадоксы встречаются в архаических произведениях самых разных народов мира.

Среди песен «Старшей Эдды» героического характера, рассказывающих о схватках с чудовищами и гибели богов, встречаются и чисто комические песни, высмеивающие богов и их деяния. В этом отношении особенно примечательна песня «Перебранка Локи». Сюжет песни заключается в том, что Локи, называвший себя «кровным» братом Одина, приходит на пир богов, на который он не был приглашён. При этом отчётливо проявилась его сущность интригана и насмешника. Придя на пир, Локи начинает обвинять богов в аморальности и во всех смертных грехах. В этой песни речь Локи особенно насыщена метафорами-кеннингами и сравнениями. Так, он насмехается над Браги: «Сидя ты храбр – украшение скамьи, – но в битве беспомощен!» [3, с. 260]. Высокомерие и самоуверенность бога-трикстера подчёркиваются частым применением им повелительных предложений. В ответ на увещания Идун Локи упрекает её в измене: «Ты, Идун, молчи! До мужчин ты всех боле из женщин жадна, ведь руки твои того обнимали, кем брат твой убит» [Там же, с. 261].

В песнях «Старшей Эдды» выразительность усиливает и применение метонимий (например, синекдохи). Аналогичное обвинение Локи бросает в лицо и Гевьон. Не обошёл он стороной и Одина: «А ты, я слышал, на острове Самсей бил в барабан, средь людей колдовал, как делают ведьмы, – ты – муж женовидный» [Там же]. Для речей эддических героев, как показывает данная песнь, характерно также наличие анафор и иных повторов. Поскольку боги не нашли оправданий, то из этого может следовать только то, что все обвинения Локи правдивы.

Природа трикстера в лице Локи проявляется ещё и в том, что он высмеивает не только пороки других богов, но и припоминает свои собственные неблагоприятные поступки по отношению к ним. Так, богине Фригг Локи говорит: «Из-за меня ведь Бальдр не вернётся к тебе никогда» [Там же, с. 262]. Этими словами он напоминает, что именно он стал причиной гибели её сына – бога Бальдра. В данном случае в речи Локи сочетаются элементы злой иронии и самокритики. Для усиления воздействия на читателей и слушателей в этой и других песнях применяются двойные отрицания.

Спровоцированные дерзкими обвинениями Локи, собравшиеся у Эгира асы начинают сами оскорблять его. Например, Фрейя обвиняет Локи во лжи и безумии: «Лжив твой язык; тебя он, я знаю, к беде приведёт: разгневаны асы и асиньи тоже, понурим вернёшься ты» [Там же]. Хеймдалль видел причину буйства Локи в пиве, которое было непременным атрибутом пиршеств и застольных речей. Стиль и техника речи в данной песни имеют давнюю историческую подоплёку. В «Истории зарубежной литературы» подчёркнуто: «Автор этой сатиры на богов использовал старинный жанр народной поэзии – “бранные”, или “позорящие”, песни (ср. кельтский эпос), высмеивающие соперника или врага; о существовании таких песен у скандинавских народов свидетельствуют многочисленные показания бытовых саг и запрещения исландских законов» [1, с. 35-36]. Общую направленность «Перебранки Локи» отразила и Т. В. Смелкова. В статье «Героизм и комическое в эсхатологии древнескандинавских мифов» она верно заметила: «В этой песне нет почтения к богам, нет страха перед ними, есть только насмешка» [9, с. 27]. И действительно, вся ругань и бешенство божеств скандинавского пантеона свидетельствуют о том, что они сами себя выставили на посмешище своей ссорой.

Особенность Локи как трикстера состоит в изрядном наличии у него чёрного юмора. Неслучайно он напоминает асам, что он – прародитель Фенрира – волка, который уже принёс богам много неприятностей, а в финальной битве (что так же общеизвестно) убьёт и самого Одина. Самодовольно Локи заявляет богу войны Тюру: «Правую руку твою помяну я, что Фенрир отгрыз» [3, с. 263]. Попытки последнего ответить на эту злую насмешку бог хитрости парирует заявлением, что жена Тюра изменила ему с ним: «Ты, Тюр молчи! От меня родила жена твоя сына» [Там же]. Обвинение Тюра в трусости и неспособности отомстить противнику за оскорбление подчёркивает цинизм Локи. Этот пример демонстрирует применение в песнях о богах и героях приёма гиперболизации. Но аналогичное обвинение Локи бросает и всем собравшимся богам, упрекая их в слабости и смехотворности.

В своих речах Локи часто несдержан. Он не чуждается хвастовства, в чём вновь находит место применение гипербола, характерное для мифологического дискурса: «И стал похвалиться Локи, что одним ударом добыл он выдру и лосося» [12, с. 73]. В его перебранке с богами он выходит за границы дозволенного, открыто демонстрируя свои анти-подвиги. С другой стороны, Локи опять же известно, насколько жестоким будет наказание за его злодеяния. Он знает, что в последней битве погибнет не только он, но и все его дети-чудовища. Характеризуя это сражение, в книге «Культура Исландии» М. И. Стеблин-Каменский писал: «На поле Вигрид, где произойдет последняя битва, придут также волк Фенрир, мировой змей, Локи и с ним все воины Хель, великан Хрюм и с ним все “инеистые” великаны» [10, с. 76]. После сражений между противоборствующими богами и чудовищами, гибели Одина, Тора и самого Локи великан Сурт своим огнём сожжёт весь мир. И в знании обо всех этих обстоятельствах кроется насмешка Локи не над другими богами или людьми, а больше над самим собой.

Как демонстрируют скандинавские мифы, Локи представляет в себе соединение как злого, так и доброго начал. Эти две полярные силы, как подчёркивала А. Л. Подвигина, практически повсеместно отчётливо проявляются в эддическом дискурсе. В статье об адаптации образа Локи в романе Н. Геймана она отмечала: «То, что Локи в классическом мифе сначала помогает Одину в созидании этого мира, а затем принимает участие в его разрушении, как нельзя лучше отражает его противоречивую и коварную натуру» [7, с. 411]. Это утверждение представляется очень точным и удачным. Оно изображает Локи как основного антагониста древнескандинавской мифологической модели мира.

Итак, черты характера, присущие рассматриваемому персонажу скандинавского эпоса, отражаются и на его речевых особенностях. Речь Локи не лишена образности и часто наполнена символизмом, помогающим понять особенности жизни и верований жителей скандинавских стран на заре средних веков. Многогранность и противоречивость фигуры Локи стала причиной неугасающего и поныне интереса к нему в литературе, кинематографе и лингвистической науке.

Список источников

1. **Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С., Смирнов А. А.** История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение: учеб. для филол. спец. вузов / предисл. Н. А. Жирмунской и З. И. Плавскина. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 415 с.
2. **Березовская С. С.** Культурный герой: динамика развития // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 75-83.
3. **Перебранка Локи** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. С. 258-266.
4. **Песнь о Трюме** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. С. 266-270.

5. **Песнь о Хюмире** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. С. 254-258.
6. **Петев Н. И.** Эсхатологическое учение германцев о Рагнарёке и о Локи // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24). С. 110-119.
7. **Подвигина А. Л.** Контекстуализация и социокультурная адаптация образа Локи в романе Н. Геймана «Американские боги» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IV международной научной конференции молодых ученых, посвященной 80-летию юбилею кафедры иностранных языков (7 февраля 2014 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. С. 408-414.
8. **Прорицание вёльвы** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. С. 207-214.
9. **Смелкова Т. В.** Героизм и комическое в эсхатологии древнескандинавских мифов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6. С. 27-30.
10. **Стеблин-Каменский М. И.** Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.
11. **Стеблин-Каменский М. И.** Миф. Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1976. 104 с.
12. **Стурлусон С.** Младшая Эдда / изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский; отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. Репр. воспр. изд. 1970 г. СПб.: Наука, 2006. 144 с.
13. **Фефелова Г. Г.** Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 170-173.
14. **Boudry M.** Loki's Wager and Laudan's Error. On Genuine and Territorial Demarcation // Philosophy of pseudoscience: reconsidering the demarcation problem / ed. by M. Pigliucci, M. Boudry. Chicago – London: University of Chicago press, 2013. P. 79-98.
15. **Jung C. G.** The Archetypes and the Collective Unconscious // Collected Works of C. G. Jung / transl. by R. F. C. Hull. London: Routledge, 1970. Vol. 9. Part 1. X+451 p.

LOKI IMAGE IN THE HUMOROUS DISCOURSE OF SCANDINAVIAN MYTHS

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
d.samarin.2015@mail.ru

The article examines the role of Loki god in the humorous discourse of Old Scandinavian mythological tradition. Studying Loki image and his speech peculiarities showed that he is a typical example of epic trickster. Loki behaviour as a trickster is analyzed by the material of “Elder” and “Younger Edda”. The analysis identified the basic speech features of this personage of Scandinavian folklore. The author also discovered the influence of Loki phenomenon on comic genre formation in the literature, art and culture on the whole.

Key words and phrases: humour; discourse; mythology; Old Scandinavian epos; trickster; archetype; direct speech; hyperbola.

УДК 82.01

В статье рассматривается субъектная организация романа К. Букши «Завод “Свобода”», а именно функция отдельных глав-интермедий в структуре романа. Особая роль интермедий обусловлена парадоксальным сочетанием факультативной функции, обозначенной в названии главы, с ключевыми фигурами – директорами завода. Четыре интермедии отражают разные подходы к воспроизведению действительности: буквальное воспроизведение свидетельств очевидцев, воспроизведение события с позиции автора-творца, поток сознания героя и образное переосмысление действительности в поэтическом дискурсе. Проведенный анализ интермедий позволяет говорить о том, что эти главы являются своеобразным «ключом» к роману и в сжатой форме излагают историю завода «Свобода».

Ключевые слова и фразы: интермедия; интерференция речевых планов; Ксения Букша; современная литература; субъектная организация текста; поэтический дискурс.

Синегубова Капиталина Валерьевна, к. филол. н.
Кемеровский государственный университет
sinegubova@nextmail.ru

ФУНКЦИЯ ИНТЕРМЕДИЙ В РОМАНЕ КСЕНИИ БУКШИ «ЗАВОД “СВОБОДА”»

Роман Ксении Букши «Завод “Свобода”», получивший в 2014 году премию «Национальный бестселлер», описывает историю завода «Свобода». Такого завода не существовало, однако убедительный образ реальности создается благодаря обращению к поэтике производственного романа [1, с. 127], а также благодаря имитации опроса очевидцев и участников событий, на что указывает Н. В. Барковская [Там же]. При этом границы между речевыми планами разных субъектов речи размыты, происходит интерференция речевых планов, что, по мнению Е. С. Зориной, «имитирует непосредственное протекание речи и соответствует принципу постмодернистской литературы – принципу нонселекции» [3, с. 137].

Лишь эпизодически слова автора отделяются от прямой речи героев знаком тире, или иногда субъект речи отмечен в скобках, как, например, в главе 3 «Дружина». Наиболее четкими границами разных речевых планов являются границы глав: в каждой новой главе возникает новый субъект речи, часто принадлежащий к следующему временному пласту.